

О
РОМАНТИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ.

ОПЫТЪ
ВЪ ТРЕХЪ СТАТЬЯХЪ.

Сочинение Ореста Сомова.

Имена ВЫСОЧАЙШЕ, утвержденнаго
Вольнаго Общества Любителей Россій-
ской Словесности, и Вольнаго Общества
Любителей Словесности, Наукъ и Худо-
жествъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
тательнаго Дома 1853 года.

С Т А Т Ь Я II.

Не должно смѣшивать Классическую Поэзію Французовъ съ Классическою Поэзіей древнихъ Грековъ и Римлянъ. У* первыхъ она холодна и поща, ибо чужда тому народу, который ее принялъ; у вторыхъ жива и пламенна, ибо живописуетъ ихъ нравы, образъ жизни и господствующія понятія того времени. Мы восхищаемся произведеніями древнихъ Поэтовъ, пошому, что видимъ въ нихъ природу, отличную отъ нашей, природу разнообразную и полную жизни. Всѣ понятія умственныя, всѣ видимыя вещи оживошворялись подъ кистію Поэтовъ древнихъ, принимали видъ и черты, отличныя имъ по аналогіи съ существами одушевленными; каждый холмъ, каждый

ручеекъ, каждый кусокъ дышалъ и чувствовалъ: но были Орeadы, Наяды, Гамадриады. Ихъ Олимпъ былъ самый стихотворческій, ибо наполненъ былъ богами, коимъ приписывалось свираси и наклонности, свойственныя существамъ нашей природы; словомъ: боги Грековъ были вѣрный сколокъ съ самихъ Грековъ, со всѣми ихъ добродѣтелями и пороками (*). Отъ сего мы находимъ у нихъ боговъ и богинь, коныре мспили бѣднымъ смершнымъ по личной неспи, или оказывали къ нимъ слабости. Отъ сего и Поэзія древнихъ есть Поэзія чувспвенная, и о все шо, что мы по нашимъ понятіямъ, представляемъ въ видѣ опвлеченномъ, Греки облекали въ чувспвенныя формы и изображали близко къ понятіямъ первобышнихъ чловѣковъ (**).

(*) Ancillon. Essaisur la différence de la Poésie ancienne et de la Poésie moderne.

(**) Здѣсь, въ нѣкоторой степени, можно разгадать причину, по чему нынѣшнія Эпопеи по большой часи холодны и незанимательны? Эпопеи пребвешъ чудес-

Основываясь на сёмъ, многіе изъ новѣйшихъ Полемиическихъ Писателей разделяютъ Поэзію на *Классическую* и *Романтическую*, разумѣя подъ первую Поэзію древнюю, или Поэзію Грековъ и Римлянъ во времена язычества, Поэзію, которой основаніемъ служилъ міръ Мифологическій, предметами — событія и преданія, извѣстныя намъ изъ Исторіи и

наго, пребудешь пружинъ сверхъ-естественныхъ: безъ нихъ — она будетъ Исторія, рассказанная стихами и упоми- нательная для чипашеля. Въ новой Эпопее и въ кошорые пышались мѣшанъ Мифологію древнихъ съ понятіями Христіанскими; оны сего ихъ Поэмы лишились главнаго — вѣроподобія, и по шому дѣлались мало-занимательными; другіе облекали въ существенныя формы понятія ошвлеченныя, какъ на пр: Вѣру, Добродѣшель, Раздоръ, Войну и ш. и.; но сіи олицетворенныя понятія ошшаются всегда одинаковы, какъ лице, списанное въ поршрешъ, и пошому мало одушевляють дѣйствіе. Каждому изъ нихъ можно придашь свойство ему приличное, а не свой-

Мифологіи сихъ двухъ народовъ (*), а отличительнымъ свойствомъ — бореніе человека съ судьбою. Подъ именемъ второй разумѣють они Поэзію среднихъ вѣковъ, или время Рыцарскихъ, кошорой осно-

---

снова разнообразныя; можно заснавить дѣйствованіе по качеству, кошорое мы ему приписываемъ, а не по намѣреніямъ и спраснямъ, коихъ оно имѣть не можетъ. Напрощивъ шого богами языческими обладали разныя спрасши, и заснавлиа сихъ дѣйствованіе шакъ, какъ выгоды и намѣренія ихъ шого шребова-ли, дѣйствованіе неожиданно для чина-шеля; и сіе шо давало полный полешъ воображенію Спихошворцевъ. — Въ цо-вой Эпопее лучшими пружинами могли бы служить добрые и злые волшебники, но и шо для вѣковъ среднихъ, принимавшихъ чудесное; а не смѣшно ли было бы ввести ихъ въ Поэмы о Генрихѣ IV, Петрѣ Великомъ и ш. п. ?

(*) Таковы, напр., повѣсть о Золотомъ Вѣ-кѣ, нравы пастуховъ Аркадскихъ, плаваніе Аргонавтовъ, война Троянскаго, Спрансированія Улисса и Энея, Исторія Эдипа, Агамемнона, и пр. . . .

ваніємъ служашь понятія, введенныя Православною Вѣрою Христіанскою, предметами событія первыхъ вѣковъ оной, нравы тогдашнихъ Европейцевъ, подвиги Рыцарей, защитниковъ невинности и карателей злобы, а бличительнымъ свойствомъ — склонность къ понятіямъ ошвлеченнымъ, унылая мечпательность и стремленіе къ лучшему, блаженнѣйшему міру: — Сіе раздѣленіе весьма остроумно, но не совсѣмъ справедливо по слѣдующимъ причинамъ.

Въ первыхъ, понятія, приличныя вѣкамъ Рыцарскимъ, неприличны уже нашему просвѣщенному вѣку, и потому мы должны бѣ были заключить всю новѣйшую Поэзію отъ первыхъ вѣковъ Христіанства до XII и XIII. Во вторыхъ, не всѣ даже и Европейскіе народы, участвовали въ понятіяхъ, образѣ жизни и подвигахъ старинныхъ Италіанцевъ, Испанцевъ, Французовъ, Германцевъ во времена Рыцарскіе, а чрезъ то Поэзія многихъ изъ нихъ, особливо народовъ Славянскаго поколѣнія, лишилась бы главной прелести для соотечественниковъ — народ-

ности и личности. Въ древнихъ: опыты новѣйшихъ Поэтовъ показываютъ, что они неограничивались вѣками средней Цеспоріи, подвигами Европейскихъ Виснязей и мѣстомъ ихъ дѣйствія, но умѣли перенести воображеніе Европейцевъ въ страны Мавровъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Османновъ (*) и чрезъ то разпространили обласнь Поэзіи Романтической. Не должно заключать Поэта въ предѣлы мѣста и событій, но предоставишь ему полную свободу выбора и изложенія; и вошь, мнѣ кажется, первѣйшая цѣль Поэзіи, которую мы называемъ Романтической.

Названіе сіе, *Поэзія Романтическая*, одни производяшь отъ Романсовъ, гвѣтвыхъ древними Трубадурами, или какъ и самые Романсы, отъ языка Романскаго (Langue Romance); другіе — отъ введенія Романовъ, ш. е. повѣстей, изобрѣщенныхъ воображеніемъ, или въ коихъ испо-

---

(*) Гётте, въ Баядеркѣ и пр.; — Лордъ Байронъ въ Гяурѣ, Абидосской невѣстѣ; — Томасъ Муръ въ Лалла-Рукѣ.

рическая достоверность смѣшана съ вымыслами. Впрочемъ, названіе сіе можетъ быть совершенно произвольное; но мы, согласуясь съ общимъ употребленіемъ, спланемъ называть новѣйшую Поэзію, не основанную на Мифологіи древнихъ и не слѣдующую раболѣпно ихъ правиламъ — *Поэзіей Романтической*.

Первый народъ, имѣвшій Поэзію Романтическую, былъ неоспоримо Арабы, или Мавры. Народъ сей, въ эпоху крашковременнаго своего господства въ Европѣ, воспользовался едва ожившими тогда науками и искусствами сей часпи свѣна, сдѣлавъ въ нихъ быспрые успѣхи, и къ славѣ своей, первый показалъ Европейцамъ, что можно имѣть Поэзію народную, независимую отъ преданій Греціи и Рима. Поэзія Мавровъ, копорую мы часто, безъ всякаго различія, разумѣемъ подъ общимъ именемъ *Поэзии Восточной*, блиспааетъ свѣжеснію, новоснію чувствованій, выраженій и картинъ, не говоря уже о вымыслахъ; и насъ, опдаденныхъ отъ ея изобрѣшателей климатомъ, нравами и обычаями, плѣняетъ незаемною, роскошною своею прелесцію.

Изъ Европейскихъ народовъ, Итальянцы первые прославились успѣхами своими въ Поэзіи Романтической, воспѣвъ подвиги Рыцарей Карла Великаго и войну Крестоносцевъ. Поэмы Аріосто и Тассо считающіяся и будутъ всегда считаться образцами пламеннаго воображенія, истинныхъ красотъ Поэзіи и прелестной версификаціи на томъ языкѣ, котораго обыкновенная рѣчь—есль музыка. Мрачная Поэма Данте, не смотря на странное свое названіе (*), многіе недоспашки и часно грубый вкусъ, необходимую дань вѣку, въ которомъ она была писана, заключаетъ въ себѣ безчисленные, неподражаемыя красоты: довольно упомянуть объ эпизодахъ Уголина и Франчески ди Римини, дающихъ творцу ея мѣсто между великими Поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Справедливосшь пребуешь однакожь сказать, что творенія знаменитѣйшихъ Поэтовъ Италіи представляющъ почти непрерывную борьбу вкуса Романческаго съ Классическимъ, и что

(*) La Divina Comedia di Dante Alighieri.

въ лучшихъ изъ сихъ твореній нерѣдко смѣшаны преданія древнихъ съ понятіями современныхъ народовъ. Поэзія Итальянская служитъ какъ бы чертою прикосновенія между Поэзіями древнею и новою.

Испанцы, кажется, были основателями вкуса Романическаго въ Поэзіи Драмматической. Лопесь де Вега, Кальдеронъ дела Барка и другіе ихъ Соприискотворцы не придерживались неослупно ни преданій, ни правилъ, заповѣданныхъ древними; подвиги Сида, казнь Рыцрей Храма и другія событія Среднихъ вѣковъ были ихъ предметами. Правда, они слишкомъ далеко простирали нарушеніе трехъ единствъ и давали себѣ неограниченную свободу разпягивать произшествія, передвигать сцены и дѣлали анахронизмы, оныхъ чего мы находимъ у нихъ, какъ напр. въ Трагедіяхъ Кальдерона, Польскаго Короля *Василія* и *Астольфа*, Великаго Князя Московскаго. Не смотря на сіи недоспашки, драмматическія произведенія Испанцевъ, по признанію даже самыхъ противниковъ Романическаго вку-

са, богатыи первосшепенными, изящными красонами Поэзіи.

Первая, извѣстная эпоха Поэзіи Англійской, начиная съ Шекспира и Спенсера, ознаменовалась вкусомъ Романшичскимъ. Шекспиръ, ошець Англійскаго Театра, былъ вмѣстѣ и утвердитель сего вкуса въ Поэзіи Британской. Сей Геній творитель, неподвластный никакимъ условіямъ, самъ создалъ для себя правила, или лучше, онъ не зналъ никакихъ правилъ, и писалъ по внушенію своего сердца и воображенія. Приверженцы вкуса классическаго находятъ въ немъ нѣмны недостатки, часто излишнее пареніе, даже надушоспъ; но могутъ ли они спорить у Шекспира глубокое познаніе челоуѣческаго сердца, которое онъ разгадалъ въ самыхъ тайныхъ его извилахъ? могутъ ли опинять у него власть воображенія всеобъемлющаго, которое творя даже и химеры, увлекаетъ насъ и заспавляетъ почти вѣришь ихъ существованію? Въ пьесахъ своихъ: *The Tempest* и *Midsummer night's dream* (*), онъ со-
 (*) Последняя изъ сего пьесъ доставила Виланду предметъ Поэмы его: *Оберонъ*

вершено предается сему своеправному воображенію, сподъ же быстро измѣняющемуся, какъ стихія, на которой играю иѣ роскошныя цвѣты радуги (*). Въ Макбетъ и Гамлетъ воображеніе сіе является мрачнѣе, и будучи слышно съ силою чувствованій, наполняетъ душу ужасомъ. Въ Отеллъ и Црѣ Лирѣ (The King Lear), положенія дѣйствующихъ лицъ и сцены, въ нихъ бунтующія, показываютъ Шекспира тонкимъ наблюдателемъ и искуснымъ живописцемъ человеческой природы. Самые недостатки его имѣютъ свою прелесть, ибо сильнѣе даютъ чувствовать и восхитительно мѣстъ изящныхъ, чего, по свойству Поэзіи Шекспировой, поэзія не достигъ бы при единообразномъ совершенствѣ. Шекспиръ не только былъ отличный изобразитель природы и сценъ: онъ вѣрный историкъ нравовъ и обычаевъ ихъ времени и мѣстъ, изъ коихъ бралъ предметы для

(*) . . . . . the element,

That in the colours of the rainbow lives. . . .

MILTON.

Драмъ своихъ. Подъ пламеннымъ небомъ
 Италіи и на цѣшущихъ ея равнинахъ,
 мы видимъ у него Итальянцевъ съ жи-
 вымъ ихъ воображеніемъ и пылкими
 спрашеніями, видимъ ихъ такъ, какъ они
 были въ изображаемую по томъ эпоху:
 съ ихъ образомъ жизни, привычками и
 повѣрьями. Жителямъ туманнаго Албіо-
 на и хладнаго Сѣвера умѣлъ онъ дать
 другія черты нравственныя, подчинилъ
 ихъ другимъ спрашеніямъ, столь же силь-
 нымъ, но дѣйствующимъ по иному на-
 правленію. Шекспиръ имѣлъ многихъ по-
 слѣдователей: Бенъ-Джонсонъ, Флечеръ и
 Ошвай болѣе или менѣе ему подражали,
 но ни одинъ съ нимъ не сравнился. —
 Мильтонъ, въ *Потерянномъ Раѣ*, умѣлъ
 придать краски пѣщическія предметамъ
 Священнымъ и такъ сказать, облечь въ
 чувственность понятія отвлеченныя.
 Подъ перомъ его оживотворились добро-
 дѣтели и пороки, хотя чувственными
 Героями его были — единственная чета
 смертныхъ, существовавшая въ началѣ
 мірозданія. Мильтонъ первый показалъ,
 какія пружины должны дѣйствовать въ

эпопей, приличной нашимъ понятіямъ и Вѣрѣ.

Въ послѣдствіи, особливо со времени Поппа, многіе Спихо-творцы кошѣли подвесаи Поэзію Англійскую подѣ холодную, однообразную форму Поэзіи Французской, признавъ ее за классическую. Уже вкусъ сей сдѣлался было господствующимъ и грозилъ Англійской Поэзіи унизаніемъ лучшаго ея достоинства — оригинальности; но въ наше время многіе превосходные Поэты старались восстановитьъ вкусъ, освященный названіемъ *народнаго*, и сославили вторую эпоху Англійской Романтической Поэзіи. Назовемъ нѣкоторыхъ отличнѣйшихъ изъ современныхъ намъ поэтовъ, не наблюдая права первенства ни въ Хронологическомъ, ни въ эстетическомъ отношеніи.

Лордъ Байронъ, который, какъ видно изъ сочиненной имъ нѣкогда Сапирѣ на Поэтовъ Англійскихъ и крпиковъ Шотландскихъ (*), былъ сперва ревност-

---

(*) Издапелей и Сотрудниковъ Критическаго Журнала Edimbourg Review.

нымъ зацѣпникомъ классической Поэзіи,
 — прославился своими Романтическими
 Поэмами. Собственные горести и лишенія,
 заславлявшія его убѣгать свѣта и
 людей, положили мрачную печать на
 большую часть его произведеній. Въ нѣ-
 которыхъ изъ нихъ вспрѣчаешь суще-
 ство одинокое, разлюбившее жизнь, оп-
 падшее отъ общества, разорвавшее всѣ
 связи сердечныя и наскучившее мѣлкими
 заботами житейскими; это существо —
 самъ Поэтъ! Больше всего живописуешь
 онъ себя въ Childe Harold, гдѣ подъ вы-
 мысленнымъ лицомъ, передаетъ намъ
 свои чувствованія, сирданія и докуч-
 ную тоску, влачившую его изъ края въ
 край искашь разсвѣнія. Иногда существо,
 имъ описываемое, упадаетъ до пороковъ
 унижительныхъ, но въ самомъ униженіи
 своемъ опличается какою-то гордостью,
 показывающею, что оно независитъ отъ
 обстоятельствъ. Вообще Поэзія Байро-
 нова опличается силою выраженій, но-
 востію мыслей и живописью картинъ, въ
 которыхъ съ опличнымъ искусствомъ
 схватываетъ черты мѣстныхъ. Такъ въ

Поэмъ его, *Гяуръ*, мы слышимъ Турка, который рассказываетъ со всею суевѣрїемъ, сроднымъ его понятїямъ, ночный бѣгъ Гяура, предспавлявшагося ему, какъ ужасный призракъ, или существо, покрытое таинствомъ, и почти сверхъестественное. — Мѣлкїя Спихотворенїя Лорда Байрона, особливо такъ названныя имъ *Еврейскїя Мелодїи*, почерпнутыя изъ книгъ Священнаго Писанїя, наполнены красотою Поэзіи и разнообразїемъ предметовъ. Нѣкоторыя изъ мѣлкихъ его пьесъ, такъ сказать, оковываютъ воображенїе читателя неясностию и опдаленностию своею цѣли; таковы пьесы его: *Мракъ* и *Сонъ*; въ послѣдней, подъ видомъ мечпаний ночи, открываетъ онъ намъ нѣкоторыя тайны собственннй своей жизни. Байронъ спускается иногда до тона шумливаго; не говоря уже о *Саширѣ* его, въ которой разсѣяно много соли и ѣдкости, въ двухъ Поэмахъ своихъ *Донъ-Жуанъ* и *Белло*, онъ примѣнно хотѣлъ повеселить своихъ читателей: но шумливостѣ его не такова, чтобы срывала невинную улыбку удовольствїя: это больше язвѣ-

тельная каррикатура свѣта и людей.

Томасъ Муръ написалъ нѣсколько мѣлкихъ Спихопвореній, отличающихся нѣжносною чувствованиямъ и сладосною Поэзіею, и заслужившихъ ему названіе Анакреона (Anacreon Moore). Въ иностранной Литературѣ онъ болѣе извѣстенъ поэмою своею *Лалла-Рукъ* (Lalla Rookh), поэмою, содержащею въ себѣ чешыре другія Поэмы, писанныя разными мѣрами, и такъ сказать, на разный строй. Онъ разнообразнѣе въ предметахъ и характерахъ, нежели Лордъ Байронъ, и по признанію знашковыхъ Англійскаго языка, слогъ его имѣеть болѣе гладкости и круглости. Въ Поэмѣ *Лалла-Рукъ*, онъ приводитъ чиншеля въ пріятное заблужденіе: кажущаяся, что ее писалъ не Европейецъ, а какой нибудь Поэтъ, соотечественникъ Фердузи, или Амраль-Кеизи (*). При-

---

(*) Восточные Поэты, первый Персидскій, извѣстный Поэмою своею *Шах-Намахъ*; а вѣпорый Арабскій, котораго *Касида* (Идиллія) была первою изъ семи По-

рода, имъ изображаемая, нравы лицъ, выводимыхъ имъ на сцену, ихъ обычаи и повѣрья, новосныя карниши и положенія, слогъ, дышащій ароматами востока — все служишь къ подкрѣпленію сего очаровательнаго обмана. Чашашелямъ нашимъ знакомы нѣкоторыя Эпизоды, или вводныя Поэмы Лалла-Рукъ (*), и по тому мы не станемъ разспрашивать о ея достоинствѣ. — Томасъ Муръ не давно еще издалъ новую Поэму *Любовь Ангеловъ*, коюрой Поэзія есть — чистѣйшая музыка души, разрѣшенныхъ оны узъ своихъ плѣсныхъ и внемлющихъ неподражаемой гармоніи небесъ.

Валперъ Скоптъ, извѣстный въ иностранной Словесности своими Романа-

эмъ, висѣвшихъ на стѣнахъ храма Мекскаго. (V. Simon de Sismondy).

(*) *Рай и Пери и Обожатели огня*, помещенныя въ *Соревнователь Просвѣщ.* и *Благотвор.* 1821 года; первая изъ нихъ еще болѣе извѣстна Любителямъ Отечественной Поэзіи, по прекрасному предложенію въ стихахъ Г. Жуковскаго.

ми, въ которыхъ онъ является искус-
нымъ живописцемъ времени, мѣсяцъ и лицъ,
написалъ нѣсколько Балладъ и Поэмъ Ро-
мантическихъ (*). Живое воображеніе,
видъ правдоподобія, кошорый онъ умѣетъ
придавать вымысламъ, выходящимъ да-
же за предѣлы вѣроятія, и быстрой,
пламенныйй разсказъ, кипяцій новостію и
разнообразіемъ предметовъ, составляютъ
отличительное свойство произведеній
сего Поэта.

Соупей, написавшій также нѣсколь-
ко Поэмъ и Балладъ (**), Колриджъ, со-
чинитель Поэмы *Кристалель*, *Кембелль* и
нѣкоторыя другіе изъ современныхъ Ан-
глійскихъ Поэтовъ, заслуживаютъ по-
четныя мѣста въ храмѣ Романтической
Музы, не смотря на грозный о нихъ

(*) *Марміонъ*, *Лордъ Острововъ*, *Пѣснь послѣд-
няго Менестрела* и пр.

(**) *Іоанна д' Аркъ*, *Родерикъ* и другія его По-
эмы имѣютъ великое достоинство. Г.
Жуковскій съ свойственнымъ ему искус-
ствомъ переложилъ одну изъ Балладъ
Соупея: *Старушка*.

приговоръ Лорда Байрона (*). Вообще Поэзія Англійская богата отличными произведеніями въ семь родѣ, и безпрестанно въ ней возникаютъ новыя дарованія, безпрестанно разцвѣтають свѣжіе, прелестныя цвѣтки.

Приспуную къ очерпанію Поэзіи Германской, которая образовалась, въ нынѣшнемъ ея видѣ, позже другихъ упомянутыхъ нами; но по особенной, ей только свойственной оригинальности, по высокими дарованіямъ Швцовъ, ее прославившихъ и продолжившихъ новый путь въ царствѣ воображенія, едва ли не превзошла Поэзію прочихъ народовъ Европы. Близкое сосѣдство наше и почти непрерывныя сношенія съ племенами Германскими, великое сходство въ духѣ языковъ относително къ Поэзіи (**), а

(*) Въ Сапирѣ, о которой мы упоминали выше.

(**) Чему служишь доказательствомъ великое удобство переводить стихами близко и соблюдая всѣ красоты подлинника, какъ

особливо съ вѣкопорого времени сильное вліяніе Поэзіи Германской на собственную нашу, заспаваляющъ насъ говорить о ней пространнѣе, шѣмъ болѣе, что, какъ изъясняется одна знаменитая Писательница, *каждый изъ великихъ Поэтовъ Германіи составляетъ особенную свою школу* (*).

Ошличительное свойство Поэзіи Германской, или справедливѣе, свойство великихъ Поэтовъ сей страны, Клопшюка, Шиллера и Гётте, состоишь въ томъ, что они облекли радужными цвѣтами

съ Нѣмецкаго на Руской, такъ и съ Рускаго на Нѣмецкой языкъ. Превосходныя преложенія лучшихъ стихотвореній Шиллера и Гётте, копорыми дарилъ насъ Г. Жуковскій, нѣкопорые прекрасныя опыты Милонова, также близкіе и достойныя всякой похвалы переводы нѣкопорыхъ Рускихъ Стихотвореній на Нѣмецкой языкъ Г. Фомъ-Деръ Борха, и недавно еще появившееся преложеніе Поэмы А. Пушкина: *Кавказскій Пльникъ*, — подшверждающъ мною сказанное.

*) Г-жа Сталь, De l'Allemagne.

спиховоренна высокія истины Вѣры и Философіи. Можно даже сказать, что у нихъ Поэзія слина съ философіей, ибо въ Поэзіи Германской много философскаго, а въ философіи много поэтическаго. Пѣвцы Германіи наши шайну выказывають изъ подъ прозрачной пелены воображенія понятія ошвлеченныя; мудрецы ея — говоришь уму посредствомъ воображенія. Самыи языкъ, который для непривычнаго слуха чужестранцевъ кажешя грубъ и несомвѣспень съ гармоніей, сдѣлался усиліями великихъ Поэтовъ гибокъ и звукоподражателень. Подъ ихъ перомъ, языкъ сей подобно мягкому воску, легко принимаешя всѣ формы, всѣ измѣненія, и пѣмъ разнообразіе, что каждый Поэтъ даешя ему особенное, свое направленіе.

Многія причины заставляють меня избраться въ публеводители на семь поприщѣ славную Писательницу, которая шакъ искусно умѣла раскрышь и оцѣнитъ отличнѣйшія произведенія пѣвцовъ Германіи. Г-жа Спаль-Голспейнъ съ пронцашельнымъ взоромъ и разсудительнымъ

умомъ мужчины взвѣсила каждую мысль, каждый стихъ, носящій печать оригинальности; съ тонкимъ чувствомъ женщины указала намъ каждый звукъ, которому отголоскомъ служило сердце. Ея способъ разсмащривать и оцѣнивать изящное въ Поэзіи Германской, по моему мнѣнію, таковъ, что не оставляетъ ничего желать, и слѣдовательно лучшей; но чему говоря о семъ предметѣ, я намѣренъ быть только ея истолкователемъ на природномъ моемъ языкѣ. Здѣсь я даю себѣ свободу собирать вмѣстѣ мнѣнія и сужденія объ одномъ Писателѣ, разсѣянные Г-жею Спаль въ разныхъ мѣстахъ ея сочиненія; позволяю себѣ нѣкоторыя изъ нихъ сокращать, и даже пропускать то, чему, къ сожалѣнію, предѣлы сей статьи не оставляютъ мѣста.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, Словесность Германская была также подвержена раздѣленію. Были Писатели, и даже опличные, которые хотѣли подчинить ее условному вкусу современной Поэзіи классической, и въ особенности Французской. Изъ сихъ Писателей первое мѣсто зани-

машеъ Виландъ. Швеецъ *Оберона*, *Философіи Грацій* и Авшоръ многихъ Романовъ, отличающихся остроуміемъ и обработанностію слога, хотѣлъ подражать въ Поэмахъ своихъ Аріосту, а въ прозаическихъ произведеніяхъ — Волшеру. Но въ философическихъ его Романахъ уже явно бореиіе врожденнаго, можно сказать, вкуса Германца съ прививнымъ вкусомъ Французовъ. Виландъ часно бываетъ слишкомъ глубокъ намъ, гдѣ хотѣлъ бы казаться легкимъ и шушливымъ; онъ не можетъ, по примѣру своего образца, безпечно скользить по предметамъ важнымъ и увлекается непреодолимою наклонностію изслѣдовать и обдумать. Опъ сего-то важное и шушливое въ его Романахъ такъ рѣзко выказываются одно изъ за другаго, что никакъ не могутъ слипъ-ся вмѣстѣ. Пропиеоположности намъ нравятся; крайности насъ упоминаютъ.

Другіе Писатели, отличившіеся отъ Виланда и его послѣдователей, духомъ и формою своихъ произведеній, ввели въ Германіи вкусъ Романшическій, по образцу Поэповъ Англіи. Первые начатки ихъ

были почти подражанія Поэтамъ Бри-
танскимъ, но въ послѣдствіи Германская
Поэзія отличилась особеннымъ духомъ и
своимъ, о чемъ я имѣлъ уже случай
сказать выше. Сія часть Писателей до-
казала ясными доводами и опытами, что
Романтизмъ болѣе свойственъ Герман-
цамъ какъ по качеству самаго языка,
такъ и по духу народному племеньъ Тев-
тоническихъ. Романшики Германскіе ско-
ро воспоржеспиовали надъ ихъ против-
никами, и споржеспиово ихъ было имѣлъ
блистательнѣе, что въ числѣ ихъ несрав-
ненно болѣе славныхъ Писателей, нежели
между поборниками вкуса классическаго.
Клопштокъ, Гётте, Шиллеръ, Магиссонъ,
Тикъ, Бюргеръ — суть имена, которыя
украшили знамена Музы романтической.

Геній Клопштока воспламенился чпе-
ніемъ Милтона и Юнга; но опть него по-
лучила бытіе наспоющая школа Герман-
ская. Въ одной своей Одѣ, онъ воспѣлъ
состязаніе двухъ Музъ: Англійской и Гер-
манской. Онъ гоповяшся вступишь въ
бѣгъ. Поэпъ живо изобразилъ благород-
ное ихъ прѣніе; но по тонкому чувству

не хотѣлъ назваться побѣдительницею. Муза Германіи любишь подругу свою, удивляешься ей; но безсмертіе, вѣнки побѣдныя всего ей дороже. „Еслибъ, говоришь, „я первая достигла цѣли высокой. . . о! „и тогда ты близко будешь по слѣдамъ „моимъ. . . дыханіе твое будешь коле- „бать волнующіеся мои волосы.“ — Вдругъ загремѣла труба; онѣ полетѣли съ быспрошою орлиною; облако пыли вспало на обширномъ поприщѣ. Я видѣлъ ихъ близъ мѣшны; но облако сгустилось и скоро я поперялъ ихъ изъ виду.“

Всѣ творенія Клопшпока имѣли цѣлью или прославленіе Вѣры, или возбужденіе любви къ Отечеству. Многія изъ Одъ его могутъ назваться Псалмами Христіанства. Болѣе всего славу его утвердила Пѣснь Духовная въ видѣ Поэмы Эпической, на которую онъ посвящалъ двадцать лѣтъ своей жизни — *Мессіада*. До него было двѣ Поэмы, основанныя на Христіанствѣ: Поэма Дантова и *Потерянный Рай* Милтона. Первая наполнена вымыслами и призраками, свойственными времени Данша и понятіямъ о вѣрѣ его

единоземцемъ (*). Милтонъ, жившій въ гѣдину междоусобій своего ошечества, особенно превосходитъ въ изображеніи лицъ и свойствъ; его Саиана есть исполинъ-заговорщикъ, восплававшій противъ Неба. — Клопштокъ постигъ чувство Христианина во всей его чистотѣ: душа его была посвящена божественному Искупителю челоѡковъ. Ошцы Церковныя были вдохновеніемъ Данту, Библия — Милтону; превосходящія мѣста Поэмы Клопштоковой почерпнушы изъ книгъ Новаго Заѡпа. Онъ умѣлъ извлечь изъ божественной прощолы Евангелія прелестъ Поэзіи, ни мало не помрачающую чистоты его. Начиная читать Поэму сію, думаешь, что вошелъ въ огромный храмъ, посреѡ коего раздающіяся сладостныя звуки пѣнія хвалебнаго: умиленіе и благоговеніе, внушаемая храмами Господними, овлаѡвають душою при чтеніи Мессіады.

Главное лице сей Поэмы — выража-

(*) О Данте см. въ сей сшашѣ, гдѣ говорится о Поэзіи Ишальянцевъ.

жаясь на нашемъ смертномъ языкѣ, —
внушаешь въ одинакой степени удивле-
ніе и жалость, такъ, что одно изъ сихъ
чувствованій нимаю не ослабляетъ дру-
гого. Одинъ великодушный Поэтъ ска-
залъ о вѣчанномъ спрадалцѣ Людови-
кѣ XVI:

Jamais tant de respect n'admit tant de pitié (*).

Сей стихъ прогнанельный и благого-
вѣйный могъ бы выразить то умиленіе,
которое Мессія внушаешь въ Поэмѣ Клоп-
шниковой. Конечно, предметъ оной свы-
ше всѣхъ изобрѣненій ума; но великія
его усилія нужны, чикобъ изобразить съ
такимъ чувствомъ человѣчески въ Су-
ществѣ божественномъ, и съ такою си-
лою Божество въ Существѣ челове-
скомъ.

Дабы избѣжать одвообразія, каковое
весьма было бы оцущительнo въ Поэмѣ,
основанной на предметѣ умственномъ и
созерцательномъ — на воплощеніи и спра-
даніи Спасителя міра, — Клопшнокъ у-
красилъ ее Эпизодами. Смерть Маріи, сѣ-

(*) Стихъ Г. де-Сабрана.

спры Лазаревой, представляешь каршину усненія праведника. Самъ Клопшпокъ, передъ кончиною, шихо повпорялъ сіе вмѣсто своей Поэмы, какъ бы для того, чш бы пригошовишь себя спокойно разспашься съ жизнью: чувспвованія, выраженныя юношею, были сподь чиспы, чшо служили къ ушѣщенію спарца въ послѣднія минушы. Сія же шѣнь о смерти Маріиной была чштана, вмѣсто надгробнаго слова, при опданіи плачевнаго долга брешнымъ ошанкамъ Клопшпоковымъ. — Другой эпизодъ представляешь любовь Ццди и Семиды, воскрешенныхъ Исусомъ. Любовь ихъ чиспа и непорочна, какъ любовь небесная, какъ новое бышіе ихъ: они не бояшся смерти, но чающъ перейши опъ земли къ небесамъ, не изпышавъ горесшной разлуки. — Наконецъ, въ одномъ эпизодѣ Клопшпокъ изображаетъ Аббадону, духа опнадшаго, кошорый, нося на челѣ своемъ печашь опверженія, чувспвуешъ еще влеченіе дѣлать добро человѣкамъ. Грызущее разкаяніе прилѣпляется къ безсмертной его породѣ; онъ груспишь о ней, имъ ушраченномъ,

о кругахъ звѣздныхъ, бывшихъ его жилищемъ. Какое положеніе предсказываетъ сей возвратъ къ добродѣтели, когда судьбы непреложны! къ музамъ генины недоушавало водворенія существа, обратившагося къ чувствительности! Мы еще недовольно извѣдали пособія нашей Вѣры въ возвышенной Поэзіи; Клоппшокъ есть одинъ изъ тѣхъ новыхъ Поэтовъ, которые умѣли олицетворить созерцательность Вѣры Христіанской положеніями и картинами, ей свойственными.

Читателямъ нашимъ конечно будетъ пріятно вспомнить превосходный переводъ сего эпизода Поэмы Клоппшокковой. Хотя мы увѣрены, что каждый изъ нихъ знаетъ сіи прекрасные стихи, въ которыхъ Жуковскій къ счастливо сослѣдовалъ съ творцемъ подлинника; но не можемъ опказать себѣ въ удовольствіи выписать по мѣсто, гдѣ Аббадона, приближась къ врагамъ Эдема, узнаетъ между спрегающими ихъ Ангелами Абділа. Другъ Аббадоны до его паденія не слышитъ его голоса, погружась въ созерцаніе славы Божіей;

. . . . . Какъ прелеснь
 Перваго ушра, какъ младоснь первой весны
 мірозданье,
 Такъ Серафимъ блисшаль, но блисшаль онъ не
 для Аббадоны?
 Онъ оплешель, в одинь посреди опусшѣвшаго
 неба
 Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали
 къ Абдіилу:
 „ О Абдіилъ! мой брашъ! нль навѣки меня ны
 оприпулъ?
 Такъ! навѣки я розно съ возлюбленнымъ!
 спрашная вѣчноснь! —
 Плачь обо мнѣ, все швореніе! плачьпе вы, ча-
 да свѣша!
 Вѣчно не бышь мнѣ любимымъ! увяныпе, вы,
 шайныя сѣни,
 Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно слн-
 валнсь!
 Свѣшлы небесны пошокн, близъ конхъ, сладко
 объемлєсь,
 Мы воспѣвали чнстною пѣснью Божию славу,
 Ахъ! замолчише, изсякнише! нѣшь для меня
 Абдіила!
 Нѣшь! и навѣки не будешъ! адъ мой, жилище
 мученья,
 Вѣчная ночь! упывайпе вмѣстѣ со мною на-
 вѣки!
 Нѣшь Абдіила! вѣчно мнѣ милаго браша не
 не будешъ!“ —

Такъ шосковаль Аббадона, споя предъ
 входомъ въ созданье.
 Спроемъ кашился звѣзды. Блескъ и крыда-
 тые громы
 Вспрѣчу ему Оріоновъ лешящихъ, его успра-
 шали —
 Цѣлые вѣки не узрѣлъ онъ, шоской одинакой
 помимый,
 Свѣшлыхъ міровъ! Погруженъ въ созерцанье,
 печально сказалъ онъ:
 „Сладоспный входъ во блаженство! почшо
 загражденъ Аббадонъ?
 О! для чего не могу я опянь заленѣшь на оп-
 чизну,
 Къ свѣшлымъ мірамъ Вседержишеля, вѣчно
 покинушь
 Обласнь изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя
 чада созданья!
 Въ оный торжественный часъ, какъ блисшая
 изъ мощной десницы,
 Вы полешѣли по юному небу, — я былъ васъ
 прекраснѣй!
 Нынѣ спюю, помраченый опверженецъ, си-
 рый изгнанникъ,
 Гнусный, среди красопы мірозданья. О небо
 родное,
 Видя шебя, содрагаюсь, тамъ, поперялъ я бла-
 женство!

Тамъ, ополчившись на Бога, есмь грѣшникъ!
 О миръ непорочный!
 Милый товарищъ мой! въ свѣтлой долинь
 спокойствія, гдѣ ты? —
 Тщешно! одно лишь смашенье при видѣ со-
 зданія славы
 Миѣ отъ пропекшія жизни оспалось, печаль-
 ный оспашокъ!
 Ахъ! для чего я къ Нему не могу возгласить:
 мой Создатель!
 Радостнобъ нѣжное имя отца уснушилъ не-
 порочнымъ!
 Пусть неизгнанные въ числомъ воспоргъ:
 Отецъ! восклицаюль.
 О Судя непреклонный! преслушникъ моливъ
 не дерзаешь,
 Чшобъ хоть единымъ ты взоромъ меня посѣ-
 шилъ въ сей пучинѣ!
 Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты безна-
 дежнось,
 Грозный мучитель, свирѣпствуй! почто я
 живу, о ничтожнось,
 Или себя не узнашь? ... проклинаю сей день
 ненависный,
 Зрѣвшій Создателя въ шестви свѣтломъ съ
 предѣловъ веснока,
 Слышавшій слово Создателя: буди! слышав-
 шій г лось
 Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и брагъ
 нашъ возлюбленный созданъ!

Вѣчношь! почто родила ты сей день? по-
 чшо онъ былъ ясенъ,
 Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, ко-
 торою Вѣчный,
 Глѣвомъ грозы ополченный, себя облакаешь?
 почшо онъ
 Не былъ прокляшiemъ Бога гнѣпомъ, обна-
 женъ онъ созданiй?...
 Чшо я изрекъ?... охулишель! кого предъ оча-
 ми созданыхъ
 Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалише!
 вы, звѣзды,
 Гряныпесь ко мнѣ на главу. и укройше меня
 онъ преспола
 Вѣчныя правды и мщенья! О ты, Судія не-
 преклонный,
 Или надежды вѣчношь Твоя для меня не
 скрываетъ?
 О Судія! Ты Создатель! Отець!... Чшо вѣ-
 щаю, безумецъ?
 Мнѣль призывашъ Ягову? Его нарицаешъ име-
 нами
 Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруешъ
 одинъ Примиришель!
 Ахъ! улешимъ! ужъ воздвиглись Его всемогу-
 щіе громы
 Страшно ударишь въ меня... улешимъ! но ку-
 да?... гдѣ опрада?...
 Рекъ и низринулся быспро во глубь безпре-
 дѣльныя бездны!

Горько взывала оны: „Созжи, уничижь мя,
 огонь разрушитель!“
 Вопли исчезли въ пусыни и огонь не при-
 шекъ разрушитель!
 Смушенный оны снова помчался къ мірамъ и
 приникъ усомленный
 Къ вѣкому пышноблестящему солнцу. Ошпо-
 ль на бездны
 Скорбно сморьль оны. — Тамъ звѣзды кипѣ-
 ли, какъ свѣшное море,
 Вдругъ налешѣла на солнце заблуждая въ
 безднѣ планета!
 Чась ей насталь разрушенья, уже задымилась
 и рѣла . . .
 Къ ней полешѣль Аббадона, мечная разру-
 шилсья вкупѣ . . .
 Дымомъ она разлешѣлась, но ахъ! не погибъ
 Аббадона! —

Мы уже сказали выше сего, что
 Клопшпокъ сочинилъ много Одъ Духов-
 ныхъ и Папріотическихъ; кромѣ того
 оны написалъ нѣсколько Одъ на другіе
 предметы. Въ духовныхъ своихъ Одахъ
 оны умѣлъ сдѣлать осязаемыми понятія
 о безпредѣльномъ; но сей родъ Поэзіи не-
 рѣдко перяется въ неизмѣримомъ, кошо-
 рое силится объяснъ. Трудно было бы

сти къ его славы и могуществу; при Скальда, Вердомарь, Кердингъ и Дармондъ, оплакиваютъ смерть его, воспоминають его воинскіе подвиги, побѣду надъ Варусомъ, Римскимъ полководцемъ, и хощають скрыть горестное событіе оны Туснельды, супруги сраженнаго измѣною Героя, Туснельды, коюрой отецъ былъ въ числѣ убійць Германа. Въ сей и нѣкопрыхъ другихъ своихъ Одахъ, Клошшоукъ воспользовался Мифологіей древнихъ Скандинавовъ.

Изъ прочихъ его Одъ упоминаемъ объ одной, весьма пріятной, подъ заглавіемъ: *Искусство Тьяльфово*, ш: е: искусство бѣгать по льду на конькахъ, коихъ изобрѣшеніе приписываютъ исполину Тьяльфу. Поэтъ самыми живыми красками изобразилъ сіе замнее увеселеніе, коюраго удовольствіе состоить въ преодолѣніи опасностей по хрупкому льду, въ борьбѣ съ холодомъ и пр.

Гѣпше естъ одинъ изъ плодовитѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ Поэтовъ Германіи: онъ писалъ Поэмы, Драматическія сочиненія, Баллады, Элегіи и разныя мѣл-

кія Лирическія Спихотворенія. Его Поема *Германнъ и Доротея*, переведена на многіе языки (въ шомъ числѣ и на Руской): но ее над б-о чинають въ подлинникѣ, чшообъ имѣють понаніе объ удивительномъ дарованіи Поэта, копорый умѣль придають занимательность и прелесть лицамъ и происшествіямъ незначительнымъ. Въ переводѣ сія прелесть исчезаетъ.

Драматическія сочиненія Гётте можно раздѣляють на два рода: тѣ, копорыя онъ писалъ для представленія, и тѣ, копорыя онъ писалъ, какъ должно предполагать, не имѣя въ виду сей цѣли. Въ первыхъ много ума, много пріятности — и ничего болѣе. Во вторыхъ, коихъ нельзя, или по крайней мѣрѣ весьма трудно сыграть на театрѣ, является необыкновенный талантъ Гётте во всемъ своемъ блескѣ. Его геній, по видимому, не можетъ снѣснать себя границами Театра: подчиняясь правиламъ, онъ теряетъ часть своей оригинальности, и тогда только находить ее снова во всей полношѣ, когда можетъ своевольно смѣшивать все роды Поэзіи.

Гётте попеременно испытывалъ да-

рованія свои въ разныхъ родахъ, принимала и означала разные вкусы. Если вкусъ его соотечественниковъ прилеплялся къ какой нибудь крайности, то онъ вдругъ старался дать ему другое, противоположное направленіе. Казалось, что онъ самовластно господствовалъ мнѣніями въ области Литературы.

Наскуча подражаніями Французамъ въ драматическихъ сочиненіяхъ, которыя тогда являлись въ Германіи, написалъ онъ историческую Драму *Геццъ Фольдъ Берлихингенъ*; эту Драму можно почти назвать слѣпкомъ съ Трагедій Шекспировыхъ. Въ ней видишь стараго Рыцаря, коего вся жизнь ознаменована была честью и правдивостью; другъ его измѣняетъ ему, но онъ любитъ еще и друга измѣнника. Окруженный врагами въ своемъ замкѣ, онъ велитъ оборвать свинецъ съ оконъ, чибобъ слить изъ него пули и опстрѣлываться. Наконецъ, поперявъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, раненый и пленный, онъ умираетъ на рукахъ жены и сестры своихъ. Въ Драмѣ сей находишь также противоположные характеры

двухъ женщинъ, супруги Берлихингенъ, крошкой, покорной воля своего мужа, и злобной Аделаиды, которая заснавила слабодушнаго друга Гецова, Вейслингена, нарушивъ данное другу его обѣщаніе, вышла за него за мужъ, измѣнила ему и вовлекла въ измѣну пажа его; наконецъ довела сего несчастнаго юношу до того, что онъ отправилъ своего господина. Лице сей пресупной Аделаиды родило Сочинителю мысль къ одной прекраснѣйшей сценѣ — засѣданію Тайнаго Судища. — Въ другой своей Драмѣ: *Графъ Егмонтъ*, онъ выводитъ сего Банавскаго Героя, осужденнаго на смерть Филиппомъ II за покровительство, которое онъ оказывалъ Реформаціи. Казалось бы, что предметъ проспой, основанный на политикѣ, не могъ сильно одушевить Поэта и разпрогати зрители или чинапелей; но Гётше умѣлъ искусно вмѣшати въ него любовь Эгмонта и Клары, дочери Брюссельскаго мѣщанина. Эгмонтъ любитъ ее, какъ существо доброе и чистосердечное, близъ котораго онъ опдыхаетъ отъ заботъ и огорченій своей об-

щественной жизни; но Клара страстна Эгмонтомъ до изнеможения: она любитъ его славу, любитъ въ Эгмонтѣ Героя — и эта любовь облагораживаетъ ее въ глазахъ чужаковъ и придаетъ ей особенную силу и возвышенность духа даже и тогда, когда Сочинитель, для противоположности ея сопоставляя съ чувствами и мечтами, представляя ее въ домашнемъ быту ея родителей. Она не можетъ перенести мысли о близкой гибели Эгмонтовой, умираетъ, — и уже является Эгмонту во снѣ передъ шую минутою, когда онъ долженъ идти на эшафотъ. Сими оппѣнками въ любви двухъ дѣйствующихъ лицъ, искусно приготовленнымъ участіемъ и удивленіемъ къ Эгмонту, возрастающимъ интересомъ завязки и прогающими душу положеніями, Гётте умѣлъ поддерживать занимательность своей Драмы.

Въ послѣдствіи, когда на Германскихъ Театрахъ безпрестанно давали мѣщанскія Драмы и Мелодрамы, когда сцена была наполнена рыцарями, лошадьми и шумомъ — Гётте вздумалъ снова привести Литературу къ строго-

му вкусу древнихъ. Съ сею цѣлью написана оная *Ифигенія въ Тавриду*. Содержаніе сей Трагедіи весьма извѣстно; Гётте изложилъ его весьма просно. Какая-то торжественная пишина, какая-то величавость дѣйствія наполняютъ душу зрителя впечатлѣніями, подобными шѣвъ, копорья мы чувствуемъ при разсмотрѣваніи древнихъ образцовъ ваятельнаго искусства. Удивительно здѣсь приведены воспоминанія Ореста и Ифигеніи о происшествіяхъ, случившихся въ родѣ Андреевъ: кажется видишь, какъ передъ глазами смѣняющіяся картины, коими Исторія и Баснословіе обогатили древность. Изъ мѣстъ Лирическихъ, разсѣянныхъ въ сей Трагедіи, превосходно то, гдѣ Ифигенія, въ грусти, поетъ древнюю пѣснь, извѣстную въ ея родѣ и копорою кормилица убавала се въ колыбели: эта пѣснь, пѣтая въ адѣ Танталу Парками, кои предвѣщали ему бѣдствія его поколѣнія. Ужасныя картины, мѣра стиховъ, согласующаяся съ чувствами, придаютъ отрывку сему краски народности. Нужно величайшее усиліе таланта, чтобы,

шакъ оказати, сроднився такимъ образомъ съ древностию, чтобы схватили черпы, бывшія народными у Грековъ и произвели посредствомъ ихъ, въ семь необъятномъ разстояніи вѣковъ и нравовъ, столь сильныя и свѣжія впечатлѣнія.

Въ Драмѣ: *Торквато Тассо*, Гётте употребилъ шуже прошлому дѣйствию, какъ и въ *Ифигеніи*. Онъ хотѣлъ изобразить противорѣчія, встрѣчающіяся въ мечтательности Поэта съ свѣтскими приличіями. Для сего онъ ввелъ въ свою Драму чешыре лица: Принца, Принцессу, Царедворца и Поэта, дѣйствующихъ въ маломъ кругу со всею упорствомъ самолюбія, которое, въ другомъ масштабѣ, могло бы превозмочь цѣлый міръ. Известна болѣзненная чувствительность Тасса и вѣжливая жестокость его покровителя, Альфонса д' Эсте, который, при всемъ своемъ удивленіи къ *Освобожденницѣ Иерусалиму*, заперъ въ домъ сумасшедшихъ шворца его. Въ лицѣ Леоноры д' Эсте, къ которой Тассъ пылалъ тайною любовью, Гётте представилъ смѣ-

шеніе возвышенности чувствъ и слабости характера, предавшагося всей власти приличій. Въ Царедворцѣ представлялъ онъ придворнаго мудреца, по понятіямъ свѣта; въ обращеніи своемъ съ Тассомъ, Царедворецъ сей пользуется тѣми преимуществами, кои умъ дѣловаго чловѣка признаетъ въ себѣ надъ умомъ Поэта; сохраняя хладнокровіе, онъ искусно раздражаетъ своего противника, но такъ, что по наружности бываетъ всегда правъ. Однакожь въ сей пьесѣ, отличающейся благородствомъ и красою слога, слишкомъ много рѣчей и слишкомъ мало дѣйствія; такъ, что когда Поэтъ даетъ ей нѣсколько движеній, то кажется, будто онъ дышетъ онъ безпрестаннаго вниманія, какого преобладаютъ мысли, обильно въ ней разсѣяныя, особливо въ роль Тасса, который часто вдается въ Метафизику. Мы любимъ погружаться въ размышленія, находясь въ спокойномъ состояніи; но когда идемъ, тогда медлительность насъ утомляетъ.

Своенравіе вкуса Германскаго скоро наскучило именами и эпохами извѣст-

ными, историческою вѣрностью картинъ и сходствомъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ съ подлинниками. Нѣкоторые писатели выдумали, такъ сказать, отвлеченныя драмы, въ коихъ отношенія людей между собою изображены въ общихъ чертахъ, не заботясь ни о времени, ни о мѣстѣ, ни о собственныхъ именахъ лицъ. Гётте также написалъ въ семь родѣ *Догъ любви*, гдѣ дѣйствующія лица названы просто: Король, Князь, Отецъ, Дочь и ш. п.

Сохранивше всѣхъ прочихъ, — и смѣло можно сказать, удивительнѣе по многимъ отношеніямъ, — пьеса его *Фаустъ*, родъ ярмъ ночной фарсы, но фарсы такой, какую могъ написать только Гётте. Одинъ изъ трехъ изобѣщавателей книгопечатанія, Докторъ Фаустъ, и донынѣ слышеть въ Германіи колдуномъ, подобно какъ Карданъ во Франціи и Твердовскій въ Польѣ. Простомудріе говоритъ, что сей Фаустъ, не смотря на глубокую свою ученость, наскучилъ жизнью, заключилъ союзъ съ злымъ духомъ, который подѣ конецъ унесъ его съ тѣломъ и душою. На

эпюмъ народномъ повѣрьѣ, Гёттте основалъ свое необыкновенное сочиненіе.

Въ немъ не должно искать ни снротго вкуса, ни мѣры, ни искусства, кооторое избираетъ предметъ и рачипельно его оканчиваетъ; но еслибъ можно было вообразить хаосъ умственный, то Фаустъ Гётттевъ могъ бы дать с немъ понятіе. Нигдѣ не найдешь болышей смѣлосни мысли, и воспоминаніе, оспашающеея по прочпеніи сего сочиненія, похоже на круженіе головы послѣ угара. — Фаустъ соединяетъ въ себѣ всѣ слабоспи челоувчества: спраситъ къ познаніямъ и успалоспит осп труда, нужду успѣховъ и пресыщеніе въ удовольствіяхъ. Это совершенный образецъ творенія непоспояннаго и перемѣнчиваго, коего чувспвованія, по сравненію, гораздо еще крапко-временнѣе жизни, на кооторую оно жадуется. Но главное лице сей Драмы не Фаустъ, а злой духъ, съ кооторымъ онъ въ союзѣ. Сочинитель не предспавилъ сего духа въ видѣ оспрашительнаго призрака, но сдѣлалъ изъ него идеаль злаго челоувка, передъ коимъ всѣ злые люди —

не больше, какъ слабые ученики. Мефистофель (такъ называлъ его Гётте) говоритъ обо всѣхъ вещахъ съ адскою насмѣшливостью: онъ смѣется надъ умомъ, надъ ученостью, надъ правилами, надъ удовольствіями; ввергаетъ Фауста во всѣ пороки, во всѣ преступленія, дѣлаетъ его соблазнителемъ, убійцею, опустникомъ — и самъ надъ нимъ насмѣхается. Въ этомъ-то и есть отличительное свойство злобнаго, свойства духа шьмы, чтобы умертвить въ душѣ чловѣка чувство высокаго, удовольствіе отъ прекраснаго; чтобы показывать адскую радость въ торжествѣ порока, на развалинахъ добродѣтели.

Одинъ молодой Лейпцигской Студентъ приходитъ къ Фаусту, проситъ его совѣта, какимъ наукамъ долженъ онъ посвятить себя? Фаустъ проситъ Мефистофелеса отвѣчать вмѣсто его простодушному Студенту. Мефистофель наряжается въ Докторское платье и начинаетъ свой разговоръ съ Студентомъ, описываетъ ему четыре ученые факультета въ такомъ видѣ, что слышивается

на вѣкъ всѣ понятія неопытнаго юноши. Мефистофельсь приводитъ ему тысячи разныхъ доводовъ, Студентъ всѣ ихъ принимаетъ одинъ за другимъ и дивится ихъ заключенію, по тому что ждетъ чего нибудь положительнаго и важнаго, а духъ только коцунспвуетъ. Студентъ охотно готовъ чему нибудь удивляться, а на повѣрку выходитъ, что слышанное имъ внушаетъ только презрѣніе. „Не какое ли слово заключаетъ какую нибудь мысль? говоритъ онъ. — Да, если можно, — отвѣчаетъ Мефистофельсь: только не нужно слишкомъ ломать надъ этимъ голову: ибо, гдѣ недоспаешь мысли, слова какъ плушь являющяся, чтобы ихъ замѣнить.“

Мефистофельсь приводитъ Фауста къ одной колдунѣ, у которой подъ власью, находяся уродливыя животины, до половины обезьяны и до половины кошки (Meer-Katzen), говорящія странные слова, гдѣ искусно повшоряются одни и шѣ же звуки. Сии слова уже по сопавленію своему возбуждаютъ смѣхъ, и еслибъ они были въ прозѣ, то казались

бы только нелѣпыми; но прелестъ стихо-
въ нѣсколько ихъ облагороживаетъ.
Слушая рѣчи сихъ обезьянъ кошекъ, ка-
жешся, разгадываешь, какія были бы мы-
сли живописныхъ, еслибъ они могли выра-
жать ихъ по человѣчески, и какое гру-
бое, смѣшное понятіе составлялибъ они
себѣ о природѣ и человѣкѣ.

Въ сей пьесѣ, которую почти мож-
но назвать *шалостью ума и воображенія*,
всѣ правила Трагедіи нарушены; мѣра спи-
ховъ измѣнилася въ ней сообразно поло-
женіямъ, и происходящее отъ того раз-
нообразіе удивительно. Если предполо-
жимъ въ ней нравственную цѣль, то ка-
жешся Гёте хотѣлъ показать, что че-
ловѣкъ, выходя за предѣлы ему предпи-
санные, бываетъ окруженъ какимъ-то ха-
осомъ мыслей и дѣйствій, нарушающимъ
спокойствіе его совѣсти и миръ душев-
ный, въ наказаніе за то, что самъ онъ
дерзнулъ нарушить опредѣленный ему
кругъ дѣйствія и въ безумной гордости
своей мечтаетъ разпоргнуть чинъ при-
роды.

Не возможно, прибавляетъ Г-жа Спаль,

читать Фауста, чтобы онъ не пробудилъ тысячи разныхъ мыслей: спорись съ Сочинителемъ, винишь его, оправдываешь; но онъ заставляетъ размышлять обо всемъ — и, говоря языкомъ одного прямодушнаго ученаго среднихъ вѣковъ, — *о гелѣ-то еще больше, нежели обо вселѣ* (*). Справедливость пребудешь однакожь сказать, что сія пьеса никакъ не можетъ служить образцемъ. Разсматриваешь ли ее, какъ швореніе изсупленнаго ума, или какъ порожденіе пресыщеннаго разсудка — все должно желать, чтобы подобныя произведенія больше не появлялись; но когда Геній, шакой какъ Гётте, разшорженъ всѣ оковы условій, тогда мысли у него швсняются въ шакомъ множествѣ, что онъ повсюду перескакиваетъ и опрокидываетъ границы искусства.

Мѣлкія Стихотворенія Гётте, кромѣ оригинальности, которою онъ запечатлѣлъ всѣ свои произведенія, заставляютъ предполагать въ немъ или обширнѣйшую ученость, или, что готовясь пи-

---

(*) De omnibus rebus & quibusdam aliis.

сапъ каждое изъ нихъ, онъ внимательно вглядывался въ нѣ предметы, кои со-спавляютъ — по выраженію живописцевъ — *натуру* и *придаточное дѣйствіе* (accessoires) его картинъ. Такъ въ Элегіяхъ своихъ, написанныхъ въ Римѣ, онъ заставляеть насъ, кажется, дышать воздухомъ Италіи, разказываетъ свои удовольствія и какъ будто бы самъ дѣлается Римляниномъ (*). Если онъ говоритъ о Греціи, то въ стихахъ его чувствуешь какое-то соприсутствіе древнихъ сыновъ Эллады, съ ихъ вѣрою, обычаями и суевѣріями. Такимъ образомъ въ Балладѣ своей: *Коринѣская невеста*, онъ мастерски воспользовался древнимъ Греческимъ преданіемъ о любви Махашеса и тѣни Филлиноны, о которомъ разказываетъ Флегонъ. Но въ сей старинной повѣсти Гётте поражаетъ читателя новыми, не-

---

(*) У читателей нашихъ конечно еще въ свѣжей памяти одна изъ сихъ Элегій: *Путешественникъ*, переложенная Г. Жуковскимъ и помѣщенная въ VIII кн. Сынъ Ошечества на сей 1823 годъ.

ожиданными соображеніями: онъ выбралъ для дѣйствія именно ту эпоху, когда половина Греціи обратилась въ православіе Хрисіанское, а другая половина оставалась во мракѣ язычества. Учасіе, возбуждаемое имъ къ невѣсть Коринѣской, или лучше сказать, къ ея тѣни, основалъ онъ на разности вѣръ, разделяющихъ ее съ женихомъ. Поэтъ такъ искусно наспроиваешь воображеніе читателя, что какъ бы заспавляетъ его видѣнь на яву призракъ, и нѣкоторая дрожь невольна пробѣгаетъ по соспавамъ, когда представлешь себѣ борьбу любви и ужаса, сочешаніе жизни съ гробомъ. Познакомя съ повѣрьями Грековъ, Гёпше ведешь насъ въ Индію, въ прелестной Балладѣ своей: *Баядерка*. Пляски сей дѣвы веселія, благовонія и цвѣты, ее окружающіе, словомъ, всѣ краски Поэзіи въ эпоху пьесъ шакъ, можно сказать, воспомыны, что по нашимъ Европейскимъ нравамъ нельзя доспойно оцѣнишь сей картины, имъ вовсе незнакомой. Часто Гёпше плѣняетъ насъ впечатлѣніями самыми проспыми, заимствованными изъ о-

вращающей насъ природы, какъ въ *Рыбакѣ*. Иногда въ чудесномъ находишь оныя средства насъ позабавишь, на примѣръ, въ *Питомцѣ Колдуна*, разсказывая, какъ сей неудалый ученикъ, подслушавъ нѣсколько шайнспвенныхъ словъ у своего учителя, вздумалъ ими воспользоваться, приказалъ меплѣ носити воду — и мепла наносила столько, что почти зашопила домъ. Ученикъ, позабывъ слова запретишельныя, въ сердцахъ перерубилъ меплу по поламъ — и обѣ половины начали еще больше таскать воды. Ученикъ бранился — но ничто бы не помогло, еслибъ учитель его не пришелъ во время и не пособилъ его горю, посмѣявшись надъ его самонадежноспью. — Неудачное подражаніе великимъ шайнамъ искуспвъ весьма живо изображено въ этомъ небольшомъ Спихопвореніи.

Повторимъ, что одно изъ опличительныхъ свойспвъ шаланна Гётше, есть почти неимовѣрное его разнообразіе. Иногда оныя, такъ сказавъ, дышетъ спраспью, какъ въ *Вертерѣ* и *Грирѣ Эдмонтѣ*, иногда разширогиваетъ есъ спру-

ны воображенія мѣкими своими Стихотвореніями; иногда изображаешь намъ Испорію со всею истиной, какъ въ *Гейцъ Фанъ-Берлихингенъ*; то, подобно древнимъ, является во всей простотѣ, какъ въ *Германъ* и *Доротея*. Наконецъ, съ *Фаустомъ* бросаешься въ вихрь жизни, и вдругъ потомъ въ *Тассъ*, въ *Догери Любви* и даже въ *Ифигеніи*, онъ постигаешь драматическое искусство, какъ памятникъ, воздвигнутый при гробахъ: тогда его творенія имѣютъ прекрасныя формы, блескъ и близнугу мрамора, но также и хладную его недвижимость. Не льзя критиковать Гейтте, какъ Писателя, хорошаго въ одномъ, и дурнаго въ другомъ родѣ: его различіе всего сравнить съ Природою, которая производитъ все и изъ всего.

Шиллеръ, какъ Писатель Драматическій, намъ давно извѣстенъ. Его Трагедіи: *Разбойники*, *Заговоръ Фіеска*, *Коварство* и *Любовь*, *Марія Стюартъ*, и наконецъ *Іоанна д' Аркъ*, отъ времени до времени являлись на нашемъ Театрѣ; и потому было бы лишнѣе, помѣщая здѣсь изложеніе, или мнѣніе о сихъ пьесахъ,

знакомыхъ нашей Публикѣ. Последняя изъ упомянутыхъ здѣсь Трагедій, переложенная стихами, надѣемся, скоро появленіемъ своимъ удовлетворить наши нетерпѣливыя ожиданія. Нѣкошорые отрывки изъ *Донъ Карлоса* и *Вильгельма Теля*, другихъ Шиллеровыхъ Трагедій, были также переведены и напечатаны въ разныхъ Рускихъ Журналахъ.

Здѣсь мы намѣрены нѣсколько разпространиться объ одной только Трагедіи Шиллера, *Валштейнѣ*, Трагедіи, которая для Германцевъ имѣетъ передъ другими достоинство народности. Содержаніе оной почерпнуто изъ произшествій 30 лѣтней войны, когда вражда политическая и война за вѣроисповѣданіе раздирали Германію. Шиллеръ раздѣлилъ Трагедію свою на три части: первая, родъ пролога, названа имъ: *Лагерь Валштейна*. Если примѣнимъ одно искусство къ другому, то *Оптическій обманъ* Поэзіи въ семъ Прологѣ неподражаемъ: кажется, видишь себя подлинно среди шана военнаго. Солдаты старые и новонабранные; маркишанцы, кресстьяне — все сіе ожив-

ляеть карпину и способствуешь къ ея точности. Какъ должно бышь сильно во-
ображеніе Писателя, чшобы представишь себѣ съ такою вѣрностью жизнь
военную, свободу и шумную веселось, еще
больше пробуждаемую близкими опасно-
стями! Панѣреніе Шиллера было, родинь
въ зрителяхъ участіе и удивленіе къ Вал-
штейну: въ шапкахъ и на полѣ битвы,
воины безпрестанно говорятъ о своемъ
Полководцѣ; ему преданы ихъ сердца и
души — въ немъ ихъ надежда.

Вторая часть, подъ заглавіемъ: *Пик-
коломини*, содержишь въ себѣ измѣну Вал-
штейна и распрю его съ другими военачальниками. Валштейнъ, сражавшійся за
Австрію противъ Государствъ, вводившихъ Реформанское исповѣданіе, прель-
стился ложною и безумною надеждою,
присвоить себѣ всѣ средства, досель имъ
употребленныя для блага общаго, и сдѣ-
латься независимымъ. Другіе военачаль-
ники ему противящся — не оупъ чистой
добродѣтели, а изъ зависти. Спросяшь:
чшожь въ этой пьесѣ возбуждаеть уча-
стіе? — Вѣрная картина снрасней че-

ловческихъ и событій того времени. Однакожь Шиллеръ умѣлъ создать два лица, возбуждающія участіе романическое. Онъ изобразилъ Макса Пикколomini и Теклу, какъ повторенія, соблюдшія любовь и чистоту душевную среди борьбы страстей политическихъ. Текла дочь Валшпейна, Максъ — сынъ ложнаго друга его, Пикколomini. Они любящъ другъ друга, не смотря на раздоръ ихъ родителей, не смотря на судьбу; ищущъ другъ друга — и встрѣчающся въ жизни и смерти. Въ пылу замысловъ честолюбія, сіи два существа являются, какъ жертвы обреченныя, и сіе чистое ихъ самоотверженіе составляетъ превосходную противоположность съ эгоизмомъ другихъ. — Въ эпюй второй части, или правильнѣе, второмъ Прологѣ, нѣтъ развязки онъ кончился, какъ перерванный разговоръ.

Наконецъ третья часть заключаетъ въ себѣ *Развязку*, или собственную Трагедію. Въ ней Валшпейнъ является со всѣми его свойствами: неустрашимъ и суевѣренъ, честолюбивъ и нерѣшителенъ,

онъ попеременно внушаетъ къ себѣ то удивленіе, то негодованіе и сожалѣніе. Прощаніе Макса Пикколомини съ Теклою, при звукахъ военныхъ трубъ, и рѣшительность Теклы провести остатокъ дней своихъ при гробѣ ея любезнаго, когда она узнаетъ о смерти его — одна изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ сей Трагедіи.

Извѣстный Бенжамень-Констанъ де Ребекъ передѣлалъ сію Трагедію стихами для Французскаго Театра, соединя въ одну всѣ три части Трагедіи Шиллеровой.

Мѣлкія Стихотворенія Шиллеровы отличаются чувствительностью, такъ какъ Гёшпевы силою воображенія. Многія изъ нихъ знакомы намъ по переводамъ разныхъ нашихъ Стихотворцевъ (*)

(*) *Кассандра, Ахиллъ, Желаніа* и пр., переведены Жуковскимъ; *Мать-убійца*, Милоновымъ; *Надежда*, М. Дмитриевымъ, *Пѣснь Радости*, Мансуровымъ. — Почти за лишнее говоримъ о многихъ переводахъ и подражаніяхъ Шиллеру мѣхъ изъ нашихъ Стихотворцевъ, которыми Шиллеръ не давался въ руки.

вообще можно сказать, что изъ Германскихъ Поэтовъ Романтической школы, Шиллеръ извѣстнѣе прочихъ въ Россійской Литтературѣ. Одна изъ Драматическихъ его пьесъ: *Идеалы*, была у насъ переложена двумя отличными Поэтами. Г. Жуковский въ переводѣ своемъ назвалъ ее: *Мечты*, а покойный Милоновъ, въ весьма близкомъ и прекрасномъ подражаніи — *къ Юности* (*).

Превосходное Стихотвореніе Шиллера: *Колоколъ*, соспоешь изъ двухъ различныхъ часней. Повторяемая въ немъ сирѣфа, въ видѣ приѣва, изображающъ работу кузнецовъ, или мѣдниковъ; но между сими сирѣфами находящяся восхищительныя стихи о торжественныхъ случаяхъ, о необыкновенныхъ происшествіяхъ, возвѣщаемыхъ звукомъ колоколовъ, каковы напр., рожденіе, бракъ и смерть чловѣка; пожаръ, возмущеніе и ш. п.

---

*) Сравненіе обоихъ стихъ преложеній и сличеніе ихъ съ подлинникомъ Шиллера, помещено въ 23 и 24 N *Влагодальроннаго* на 1821 годъ.

Спрофры въ короткихъ спихахъ сослав-
 лены изъ словъ, въ опривиспомъ и бы-
 спромъ звукѣ конорыхъ, кажется, слы-
 шишь повторяющіеся удары молота и
 скорые шаги работниковъ, образующихъ
 кипящую мѣдь. Въ прозаическомъ пере-
 водѣ не лзя сего выразить (*): это зна-
 чило бы чишань, а не слушань музыку;
 и шуть еще воображеніе легче можетъ
 себѣ представить впечатлѣнія, произво-
 димыя музыкальными инструментами,
 конорые мы знаемъ, нежели согласіе и
 разногласіе стихотворной мѣры и языка,
 намъ незнакомыхъ. Здѣсь, по правильная
 краткость размѣра даетъ чувствованіе
 проворство ковачей, ограниченную, но
 непрерывную силу дѣйствія въ трудахъ
 вещественныхъ; по, вслѣдъ за симъ гру-
 бымъ и рѣзкимъ шумомъ, слышанся воз-
 душныя пѣсни вдохновенія и задумчиво-
 сти.

(*) Да позволено намъ будетъ желать, чшобы
 славный нашъ Поэшь, споль вѣрно пе-
 редавшій намъ многія произведенія вели-
 кихъ Поэповъ Германскихъ, подарилъ
 насъ и эшимъ Спихотвореніемъ.

Шиллеръ часно представляеть намъ самыя глубокія размышленія подь покровомъ благородныхъ вымысловъ: онъ говоритъ съ человекомъ, какъ сама Природа; ибо Природа, въ мѣрѣ вещеспвомъ, естъ величайшій мудрецъ и Поэтъ. Чшобы сообщить намъ поняшїе о времени, она разливаесть передь нами струи рѣки неизпощимой; а чшобы вѣчная юность ея заспаваляла насъ мыслишь о крапкостп быпїя нашего, она убираестья цвѣтами, скоро увядающими, опрѣхаесть осенью съ деревъ липвы, красовавшїеся весною. Возвышенная Поэзія должна бышь земнымъ зеркаламъ Божеспва, и въ цвѣсахъ своихъ, звукахъ и мѣрахъ, опражаестья всѣми красосами созданїя.

Бюргеръ, между Германскими Поэтами, опличаестья народносшью своихъ произведенїй; въ прекрасныхъ стихахъ онъ оживилъ преданїя спарины и новѣрья своихъ единосземцевъ. Мы знакомы съ однимъ изъ лучшихъ его Спихоспворенїй, съ его Балладою *Ленора*, по *Людмилѣ*, превосходному подражанїю Г. Жуковскаго, который умѣлъ сдѣлашь ея народною

и для Рускихъ, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе было уже отчасти намъ извѣстно (*).

Мы бы не кончили, еслибъ вздумали изчислить все хорошее въ Поэзіи Германской. Матиссонъ, Тикъ, А. В. Шлегель, Вернеръ и другіе отличные Поэты обогатили ее въ разныхъ родахъ столько, что должно бы посвятить цѣлыя книги на изчисленіе и разсмотрѣніе ихъ произведеній (**). Говоря о Поэзіи Германцевъ, непростишительно было бы позабыть, что и у нихъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ отыскана старинная Поэма, писанная въ XIII столѣтіи, подобно какъ у насъ най-

(*) Въ разказахъ старыхъ нашихъ нянюшекъ есть что-то сходное съ этою Балладой: особливо мнѣ памятна приговорка: „мѣсяць свѣшилъ, мершвецъ ѣдетъ: не боишься ли ты, дѣвица?“

(**) Въ сей Спашѣ мы упомянули о двухъ Трагедіяхъ Гётте: *Геццъ Фридрихъ Берлихингенъ* и *Графъ Эгмонтъ*, равно какъ и о нѣкоторыхъ Трагедіяхъ Шиллера, написанныхъ Прозою. Но Гётте и Шиллеръ Поэты, даже и безъ стихотворной мѣры.

дена древняя Пѣснь о полку Игоревѣ. Заглавіе сей Поэмы — *Нибелунги*. Она содержишь въ себѣ подвиги Героя сѣверной Германіи Сигефрида, умерщвленнаго Королемъ Бургундскимъ, мщеніе за смерть его и пр. Духъ воинственный и вѣрность, опличительныя черты людей того времени, изображены въ этой Поэмѣ языкомъ чистымъ и простымъ: тогда не знали еще украшать повѣствованія мыслями общими и ошвлеченными, и описывали событія и нравы такъ, какъ они случались а другіе казались.

